

Ирэна Торская

Точка схода

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирэна Торская

Точка схода

«Автор»

2026

Торская И.

Точка схода / И. Торская — «Автор», 2026

Эта книга — история о том, как маленький человек (или Хранитель) побеждает глобальные системы не силой оружия, а силой быта и любви.

© Торская И., 2026
© Автор, 2026

Ирэна Торская

Точка схода

Глава 1. Лиза

Зуммер досмотровой рамки в пятый раз за минуту выплюнул тревожную трель. — Девушка, ключи из карманов выньте, — устало бросил охранник, не поднимая глаз от смартфона. Лиза вывернула карман бежевого тренча. На резиновую ленту транспортера звякнули связка, помада и желтый ингалятор «Вентолин». Писк прекратился. Она подхватила рюкзак, чувствуя, как по позвоночнику течет холодный пот чужого раздражения. До отправления поезда «Москва — Екатеринбург» оставалось семь минут. Часы на табло мигали ядовито-красным: 21:53.

Она побежала. Пятнадцатисантиметровые каблуки-стилеты, купленные вчера для презентации проекта, были оружием массового поражения ее собственных лодыжек. Мраморный пол Ярославского вокзала летел навстречу. Слева плыли витрины с янтарем и матрешками, справа пахло беляшами и хлоркой. Турникетный зал встретил ее глухим воем уходящего состава.

Поезд ноль-восемьдесят-четыре уже втягивал свою блестящую стальную змею под своды дебаркадера. Проводница последнего вагона стояла на подножке, уперев руку в бок, и смотрела на секундомер. — Девушка! — крикнула Лиза, задыхаясь. — Подождите! Проводница даже не повернула головы. С тихим шипением пневматики двери сомкнулись. Табло над путем моргнуло и сменило надпись: «ОТПРАВЛЕН».

Лиза ударила кулаком по холодному стеклу дверей. Боль прострелила запястье до локтя. — Да чтоб тебя, — выдохнула она, оседая на корточки прямо посреди людского потока. Рюкзак соскользнул с плеча. Из наружного кармана выкатился треснувший по ребру внешний аккумулятор. Рядом веером рассыпались маркеры для скетчинга. Десять тысяч рублей, сожженные впустую. Встреча с нотариусом в Екатеринбурге назначена на завтра утром. Если она не придет, дом бабушки в Нижних Ключах уйдет с молотка банку за долги по коммуналке.

Она подобрала аккумулятор. Корпус был липким — литий вытек черной густой смолой, похожей на деготь. Странно, еще час назад он показывал полный заряд. Лиза стерла слизь о подкладку пальто, встала и пошла к кассам, стараясь не хромать. Каблук на левом стилетах висел на честном слове.

Глава 2. Антон

Антон сидел в зале ожидания повышенной категории, хотя билет у него был самый обычный, плакатный. Он занял место в самом темном углу, положив между ног потертый фибровый чемодан. Руки покоились на коленях ладонями вверх. Старые ожоги от перегретого металла на предплечьях ныли к дождю.

Его рейс ушел пять минут назад. Не по его вине — диспетчеры базы перетасовали график сопровождения груза. Но суточные за сегодняшний день сгорели, а люди на объекте остались без усиления. Начальник охраны спустит с него три шкуры. Впрочем, плевать на начальника. В Нижнем Тагиле Антона ждал Денис. Точнее, должен был ждать. Последний звонок от друга неделю назад звучал слишком ровно, слишком правильно. Так говорят люди, написавшие предсмертную записку перед тем, как шагнуть из окна. Денис купил избушку в какой-то дыре под названием Нижние Ключи и вдруг решил стать таежным отшельником. А потом перестал выходить на связь.

Антон посмотрел на свои ладони. Ему нужно быть там сегодня ночью. Посмотреть другу в глаза. Или закрыть их навсегда. Он поднялся, закинул чемодан на плечо и вышел на крыльцо вокзала. Достал пачку «Явы», чиркнул зажигалкой. Сырой октябрьский воздух тут же пробрал сквозь плотную ткань куртки.

На площади началась вакханалия. Небо, секунду назад бывшее просто пасмурным, провалилось ледяным ливнем. Вода била горизонтально, прибивая редких таксистов к стенам. Народ ломанулся обратно под своды вокзала, создавая давку.

Антон остался стоять под козырьком, прикрывая сигарету спиной. И увидел ее. Девушка из-под турникетов. Туфельки убиты напрочь, бежевый тренч промок насквозь за две секунды, превратившись в мокрую тряпку. Она стояла посреди пустеющей площади, глядя вслед ушедшему поезду, и крупные капли разбивались о ее запрокинутое лицо. Вокруг нее образовался вакуум — никто не хотел делиться пространством под единственным навесом старой остановки. Только один мужик в оранжевой робе дорожника грубо отпихнул ее плечом, спеша к теплу.

Девушка пошатнулась, схватилась за горло и сделала судорожный, хриплый вдох. Астма. Антон узнал этот звук — так пытаются дышать те, чьи легкие склеиваются изнутри. Она полезла в сумку, вытрясла оттуда желтый баллончик, нажала. Раздался пустой металлический щелчок. Второй раз. Третий. Баллончик был мертв.

Глава 3. Пакт

Антон сплюнул окурок в лужу. Желтая жижа пошла радужными пятнами бензина. — Эй, — окликнул он девушку. — Ингалятор пустой? Она вздрогнула, обернулась. Глаза огромные, испуганные, синие. Губы посинели. — Д-да, — выдавила она. — З-закончилась дозировка... срок... Срок годности здесь был ни при чем. Антон подошел ближе. От нее пахло озоном и горелым пластиком — тот же запах, что шел от ее мертвой зарядки. — Хреново, — констатировал он. — Скорую вызывать бесполезно, пока через пробки проползут, задохнешься. У меня есть сальбутамол в таблетках, но они действуют медленно. Тебе сейчас аэрозоль нужен. — Я знаю, — прошептала она. Зубы начали выбивать дробь — то ли от холода, то ли от нехватки кислорода. — Следующий поезд только в шесть утра. Я не доживу до шести утра на этом вокзале.

Антон оглядел площадь. Ливень превратил асфальт в реку. Стояла одна-единственная машина такси — старая праворульная «Тойота Королла» цвета грязного снега. Фарух уже заводил мотор, собираясь свалить, пока дорогу совсем не развезло.

— Такси! — рявкнул Антон, выходя под ледяные струи. — До Екатеринбурга! Трояк даю сверху! Фарух притормозил, опустив стекло пассажирской двери ровно настолько, чтобы показать блеск золотого зуба. — Какой Екатеринбург, командир? Дорога стоит. Потоп будет. Три тысячи только до МКАДа везти буду. — Мы тебе восемь дадим, если довезешь до Нижнего Тагила, — раздался сзади голос девушки.

Лиза подошла к машине, кутаясь в безнадежно испорченный тренч. Она достала из внутреннего кармана кошелек. Пальцы дрожали, кожа стала серой. Антон внимательно смотрел на нее. Городская фифа. Маникюр, дизайнерское шмотье, которое теперь годится только на половые тряпки. Что такая забыла в Тагиле? — Тебе тоже на Урал? — спросил он, кивнув на багажник, куда девушка пыталась забросить тяжелый туристический рюкзак. — Допустим, — процедила она, проигрывая битву с мокрой молнией основного отделения. — Мне тоже. Если скинемся поровну, этот лихач нас докинёт. Там вокзал теплый, скорая есть. Пойдешь со мной или дальше ревматизм зарабатывать будешь?

Лиза посмотрела на его тяжелые армейские ботинки, которые вода даже не намочила, потом на свои ноги, стремительно теряющие чувствительность в ледяной воде. Перевела взгляд на светящиеся часы над входом в вокзал. Электронное табло коротнуло, цифры пошли полосомами, и время прыгнуло вперед сразу на два часа, застыв на отметке 00:00. Полночь.

— Ладно, — тихо сказала она. — Только рюкзак помоги. Антон перехватил лямки. Внутри лежали мотки альпинистской веревки, титановая посуда и зачем-то старый резиновый сапог огромного размера. Содержимое чемодана самого Антона было проще: смена белья, кон-

сервы, топор, завернутый в промасленную тряпку, и травматический пистолет в оперативной кобуре под мышкой.

Они забились на заднее сиденье. Кожзам оказался ледяным. Между ними лег фибровый чемодан Антона, разделяя тесноту пополам. Фарух крутанул руль, выезжая на Садовое кольцо, где машины действительно стояли намертво, уткнувшись друг другу в бамперы.

— Повезло вам, дорогие пассажиры, — осклабился водитель в зеркале заднего вида. Его зрачки в тусклом свете приборной панели казались вертикальными, как у кошки. — Прямой дорогой пойдем. Никто сейчас там не ездит. Боятся. — Чего боятся? — спросила Лиза, прижимая спасительный новый ингалятор, который Антон протянул ей из своей аптечки, к груди. — Леса боятся, — охотно пояснил Фарух, перестраиваясь в свободный переулок. — Говорят, кто после полуночи старую бетонку пересекает, того Вой больше не выпускает. Вы ешьте конфетки, хорошие конфетки. Мятные. Горло смягчают.

Он протянул им через щель между кресел жестянку монпансье. Леденцы внутри были темно-бурыми, почти черными. Лиза непроизвольно сглотнула вязкую слюну. Антон захлопнул крышку и выбросил банку в окно. — Ты дорогу знай, дед, — буркнул он. — А про нечисть своей бабке трави.

«Тойота» вырвалась из города. За стеклом осталась яркая, шумная Москва. Впереди лежала непроглядная тьма шоссе, разрезаемая только мутными кругами фар. Деревья вдоль обочин становились все выше, смыкая кроны над дорогой в сплошной зеленый свод. Время на часах Антона тоже начало сбивать, отсчитывая секунды назад.

МКАД остался позади, растворившись в грязной взвеси из мокрого снега и придорожной пыли. Москва с ее неоновыми венами рекламных щитов закончилась резко — сразу за указателем на Балашиху начался непроглядный мрак. «Тойота» шла по двухполосному шоссе М5 тяжело, пробивая бампером стену ледяного дождя. Дворники работали на максимуме, но лишь размазывали грязь по стеклу жирной дугой.

Лиза сидела у окна, прижимая к губам спасительный ингалятор Антона. Лекарство действовало медленно, возвращая легким способность расширяться. Она смотрела на свое отражение в черном стекле. Мокрые волосы прилипли ко лбу, тушь потекла темными разводами, делая лицо похожим на маску лесного духа из детских книжек. Городская оболочка слезала с нее вместе с краской для волос и шеллаком на ногтях.

— Нижние Ключи? — вдруг глухо спросил Антон, глядя в свой кнопочный телефон. Он держал аппарат странно, двумя руками, словно гранату без чеки.

Лиза вздрогнула от звука его голоса. В тесном салоне он прозвучал слишком громко. — Да, а что? — она инстинктивно прижала рюкзак коленями. Там лежали документы на дом. — Я туда же. К другу.

Случайностей такого масштаба не бывает. Два незнакомца опаздывают на один и тот же поезд до Екатеринбурга, ловят одну машину посреди потопа и едут в деревню, о которой Лиза сама узнала только вчера из письма нотариуса. — Какой друг? — настороженно спросила она. — Денис. Служили вместе. Пропал неделю назад. Купил там халупу. Лиза открыла рот, чтобы сказать, что едет за наследством от бабки Елизаветы, которую никогда не видела, но слова застряли в горле. Слишком много совпадений. Слишком сильно пахло озоном, пропитавшим их одежду еще на вокзале.

Фарух сбавил скорость. Разметка исчезла. Асфальт сменился старым растрескавшимся бетоном. Деревья вплотную подступили к дороге. Это была уже не федеральная трасса, а старая лесовозная ветка. Свет фар выхватывал из темноты узловатые корни, похожие на скрюченные пальцы, вцепившиеся в землю. — Здесь короче будет, дорогие, — проскрипел водитель, не оборачиваясь. Его профиль в свете приборной панели казался плоским, нарисованным на картоне. — Навигатор ваш врет, командир. Спутник тут спит.

Антон посмотрел на экран своего телефона. Синяя точка действительно ползла по чистому белому полю, далеко в стороне от серой линии дороги. Лес вокруг машины начал меняться. Сосны стали неправдоподобно прямыми, уходящими в абсолютную темноту неба идеально вертикальными стволами. Ни одной лишней ветки внизу. Как колонны в древнем храме.

— Столбы смотрите, — тихо сказала Лиза. Антон перевел взгляд вперед. Серые бетонные столбики километровых знаков мелькали слева. «14...» «13...» «12...» Они отъехали от Москвы почти на сто километров. По всем законам физики цифры должны были расти. — Тормози, — сказал Антон. Голос стал низким, вибрирующим. — Зачем тормозить, дорогой? Почти приехали, рукой подать, — Фарух осклабился в зеркале заднего вида. Зубы во рту водителя начали стремительно удлиняться, превращаясь в желтые костяные иглы. Кожа на лбу натянулась, буграми поползла вверх, формируя два острых нароста. Рога проклюнулись сквозь редкие черные волосы.

Антон вскинул руку. Под мышкой шелкнула липучка кобуры. Пистолет оказался в его ладони быстрее, чем Лиза успела моргнуть. Сухой металлический лязг затвора разорвал гудение мотора. — Стоять я сказал! — рявкнул Антон, упирая ствол в бритый затылок Фаруха. Водитель засмеялся. Смех был похож на треск ломаемого сухого валежника. Он нажал на газ. Машина прыгнула вперед, швырнув пассажиров на спинки кресел. — Глупый солдат, — прошипел Фарух. — Железо спит. На моей земле железо всегда спит.

Он протянул правую руку к замку зажигания. Вместо человеческих пальцев из рукава оранжевой робы торчали почерневшие сосновые сучья. Они коснулись ключа, повернули его... Щелчок. Стартер взвыл, но двигатель заглох. Фары вспыхнули напоследок ослепительно-синим светом, залив салон мертвенным неоновым сиянием, и лопнули одна за другой. Осколки каленого стекла брызнули Антону в лицо. Наступила абсолютная, давящая тишина, в которой слышен стал только стук крови в висках.

Глава 5. Странности

Темнота ударила по глазам. Лиза зажмурилась, пытаясь проморгаться от фантомного синего света. Нос забил запах сырой земли, прелой листвы и чего-то сладковато-гнилого, как перезревшая грибница. Двигатель остывал, издавая последний вздох — звук выходящего пара, хотя никакого радиатора они не открывали.

— Не двигаться, — процедил Антон. Он сидел неподвижно, только свободной левой рукой быстро ощупывал лицо, проверяя глаза. Осколки его не задели. — Выходи. Живо. — Куда выходить, командир? — голос Фаруха теперь звучал совсем иначе. Исчез азиатский акцент, осталась только сухая древесная хрипотца. — Ноги переломашь. Тут бор вековой. Хозяин гуляет.

Антон плечом выдавил свою дверь. Замок хрустнул, поддаваясь грубой силе. Ледяной воздух ворвался в салон, вымораживая остатки тепла. Антон выбрался наружу, обходя капот. Он все еще держал оружие направленным в голову водителю, но палец со спускового крючка переместился на скобу. Щелк-щелк. Осечка. Еще раз. Щелк. Третий патрон. Четвертый. Механизм работал, боек бил четко, но выстрелов не было. Патроны превратились в бесполезные цилиндры свинца и латуни.

Лиза замерла на заднем сиденье. Она хотела закричать, позвать на помощь, но легкие снова сжало спазмом. Ингалятор остался в кармане куртки Антона. Она судорожно зашарила рукой по двери, ища ручку изнутри. Вдруг свет вернулся. Но это были не фары. Приборная панель «Тойоты» загорелась ровным зеленым светом, хотя машина была мертва. На одометре крутились бешеные цифры: пробег увеличивался на тысячу метров каждую секунду, хотя автомобиль стоял на месте. Радио само собой защелкало ручкой поиска. Сквозь белый шум прорвался глубокий, утробный бас. Кто-то говорил на гортанном, рычащем языке манси. Слов не разобрать, но интонация была требовательной. Приказывающей.

— Воду принес? — спросил Фарух. Рогов на его голове больше не было. Лицо стало обычным, землистым лицом пожилого гастарбайтера. Только глаза не отражали зеленый свет приборов — они впитывали его, оставаясь двумя черными провалами. Он смотрел прямо на Лизу через плечо Антона.

Антон медленно опустил пистолет. Магазин выпал из рукоятки и беззвучно ушел в дорожную грязь. Металл оружия пошел пятнами ржавчины прямо на глазах, покрываясь бурым налетом за считанные секунды. — Что тебе нужно? — хрипло спросил Антон. — Проезд оплатить, — Фарух открыл свою дверь. Суставы хрустнули так громко, будто сломались кости. — Долг платежом красен. Вы мне восемь тысяч обещали. И душу впридачу, чтоб дорога гладкой была. Выходите, нечего сиденья пачкать. До Нижних Ключей пешком дойдете, тут всего ничего осталось. За поворотом.

Он вылез из-за руля, взял с капота канистру и шагнул в лес. Шагнул прямо в густой орешник, который должен был исцарапать ему лицо и порвать одежду. Но ветви деревьев раступились перед ним бесшумно, смыкаясь обратно за его спиной. Дверь «Тойоты», которую Антон оставил открытой, плавно поднялась вверх, становясь на фиксатор. Центральный замок сработал сам собой. Раздался громкий механический щелчок. Они оказались заперты внутри. Изнутри.

— Открой, — Лиза забарабанила кулаком по стеклу со своей стороны. Ее начало мелко трясти. — Откройте! Ответом ей стал тяжелый, влажный удар снаружи в то самое стекло, которое она колотила. Будто кто-то огромный врезался в борт машины на бегу. Лист металла прогнулся внутрь, пошла трещина. Затем еще один удар. Лиза обернулась к Антону. Тот уже не выглядел суровым охранником. Он сидел бледный, сжимая бесполезную железку, и смотрел на часы. Цифровые наручные Casio показывали время 00:00. Полночь. Прошло уже пять минут, но секундная стрелка стояла намертво.

— Пока петухи не пропоют или туман не сойдет — из машины ни ногой, — тихо сказал Антон, впервые поворачиваясь к ней. В полумраке салона белки его глаз казались неестественно яркими. — Двери заблокируй. Если полезут — лезь под сиденья. Поняла? — Кто полезет? — пискнула Лиза. Рациональность, за которую она цеплялась всю жизнь, рассыпалась в прах. Аккумулятор-смола. Обратные километры. Невидимые преграды. — Вы знаете, что происходит? — Знаю, — кивнул он. — Мой дед охотником был. Рассказывал. Менкв водит. Собирает тех, кто дорогу перешел без спроса. А проводник наш... это комолый старичок. Бажовский. Золото собирает и кровь пьет.

Снаружи раздался протяжный вой. Он начинался низко, как ветер в печной трубе, и заканчивался звенящим женским визгом. Вой метался между деревьями, окружая машину плотным кольцом. Зеленый свет приборной панели мигнул и погас. Осталась только густая, осязаемая тьма и запах приближающейся зимы.

Тьма не просто опустилась — она легла на крышу «Тойоты» тяжелым мокрым одеялом. Лиза дышала мелко, по-собачьи, вжимаясь спиной в ледяную дверь. Каждый вдох давался с трудом: ингалятор Антона остался у него в куртке, а ее собственный желтый баллончик превратился в кусок бесполезного пластика еще на площади трех вокзалов. В горле медленно поднималась паника.

— Дыши со мной, — глухо бросил Антон. Он сидел неподвижно, положив руки на колени ладонями вверх, словно молился или слушал землю. — На четыре счета вдох, на шесть выдох. Если свалишься в обморок, я тебя из-под сиденья выковыривать не буду. Поняла? Лиза судорожно кивнула, пытаясь повторить его ритм. Раз-два-три-четыре... Вдох обжег пересохшее небо. Шесть-пять-четыре... Выдавить воздух сквозь сведенное спазмом горло.

Снаружи началось движение. Сначала это был звук осыпающейся хвои. Затем — тяжелый, утробный хруст, будто кто-то гигантский перемалывал челюстями мерзлую кору. Капот

машины просел под невидимой тяжестью. Лобовое стекло, уже покрытое сеткой трещин от первого удара, покрылось густым инеем изнутри.

Антон достал из кармана тактический фонарь. Щелкнул кнопкой. Яркий белый луч ударил в темноту за разбитым стеклом водителя. Там стояла пустота. Черная, маслянистая, поглощающая свет. Но эта пустота имела плотность. Она колыхнулась, отступая от луча, и Лиза увидела отпечаток ладони на металле двери. Ладонь была размером с крышку от канализационного люка, четырехпалая, с когтями, которые процарапали сталь до самой внутренней обивки.

— Не смотри туда, — приказал Антон, переводя луч выше. — Смотри на меня. Или в пол. Но Лиза смотрела. Наверх. Сквозь дыру в крыше, пробитую рухнувшей веткой (ветки ведь не падали здесь десятилетиями, старая сосна была идеально целой), было видно небо. Звезды висели слишком низко. Они складывались в узоры, которых нет ни в одном атласе созвездий — острые геометрические фигуры, пульсирующие красным. Древние знаки манси, вышитые алмазной пылью прямо над их головами.

Фарух вернулся внезапно. Просто возник перед капотом. Канистра в его руках казалась игрушечной. Он не шел — он перетек из одной точки пространства в другую, игнорируя законы физики и лужи под ногами. Вода внутри канистры слабо светилась болотным огнем. — Притомились? — участливо спросил он, наклоняясь к разбитому стеклу Антона. Его лицо снова изменилось. Нос сплюснулся, превратившись в две влажные черные ноздри, как у зверя. — Выходите. Хозяин зовет вас чаем угостить. У костра посидим. А то машина ваша совсем плохая стала, гниет заживо.

Железо подтверждало его слова. Краска на дверях пузырилась и текла вниз бурными следами ржавчины. Резиновый уплотнитель скукожился, превращаясь в черную труху. Запахло паленой проводкой и сыростью склепа. — Сам выходи, дед, — ответил Антон. Фонарь в его руке дрогнул, мазнув светом по плечам Фаруха. Оранжевая роба дорожника на них тлела и расплзалась, обнажая нечто похожее на мшистый валежник. — Грубишь старшим, солдат, — беззлобно ухмыльнулся проводник. Зубы во рту теперь росли в три ряда, игольчатые, прозрачные, как замерзшая смола. — Дениску твоего тоже звал. Дениска умнее оказался. Пришел. Сидит сейчас, греется. Ждет, когда ты сменишь его на посту.

Упоминание друга сломало что-то внутри Антона. Он перестал быть изваянием. Рванул ручку двери. Замок, который Лиза заблокировала минуту назад, щелкнул и открылся с пугающей легкостью. Как только щель между дверью и кузовом увеличилась на пару сантиметров, внутрь сунулось нечто. Длинное, суставчатое, покрытое жесткой черной шерстью. Оно напоминало корень старой ели, но двигалось само по себе. Корень скользнул по сиденью, обвил лодыжку Антона и с силой дернул наружу.

Антон упал коленями в грязь, выронив фонарь. Луч света метнулся по земле, высвечивая узловатые стволы, прежде чем погаснуть окончательно. Лиза закричала. Это был животный, рваный звук, идущий откуда-то из диафрагмы. Она перегнулась через центральный тоннель, схватила лежащую на полу монтировку, которой Фарух вчера поддевал примерзший номер, и обрушила железный прут на тянущийся корень. Звук удара был вязким, как по сырому мясу. Корень разжался, втягиваясь обратно во тьму, оставив на тяжелом ботинке Антона глубокие борозды.

Он вскочил, закрывая дверь плечом. Лицо его было залито грязью и потом, один глаз начал заплывать багровым синяком. — Ингалятор! — прохрипела Лиза, царапая собственное горло ногтями. — Дай мне... Антон пошарил в кармане куртки, которую сбросил на сиденье. Достал свой баллон. Нажал. Вместо шипения лекарства раздался сухой треск ломающегося пластика. Белая пыль высыпалась Лизе на колени — обычный аптечный тальк. Баллончик сгнил изнутри так же, как аккумулятор и оружие.

— Время вышло, — констатировал Фарух, постукивая светящейся канистрой по решетке радиатора. — Полночь миновала. Теперь моя очередь собирать пошлину. Одному из вас придется прогуляться за водой. Лес любит честные сделки. В подтверждение его слов задняя левая дверь «Тойоты», та самая, возле которой сидела Лиза, плавно приоткрылась сама собой. Петли даже не скрипнули. Из черного провала леса потянуло холодом, который невозможно почувствовать кожей. Это был холод абсолютного нуля, вымораживающий саму душу. Лиза почувствовала, как немеют пальцы ног. Боль в груди отступила перед этим первобытным ужасом — астма боится смерти больше, чем нехватки воздуха.

— Я пойду, — сказал Антон. Он тяжело привалился спиной к машине, зажимая рану на голени. Крови почти не было — из глубоких царапин сыпалась мелкая рыжая древесная труха. — Прикрывай спину. Из салона не лезь, пока не позову. Если через десять минут не вернусь — уезжай на этой консервной банке, если она еще сможет ехать. — Она не сможет, — мягко возразил Фарух. — Да и ключей у тебя нет. Я их съел еще на выезде из Москвы. Кушайте конфетки, дорогие гости, скоро чай принесу.

Водитель отошел на шаг в сторону леса и растворился среди теней. Ни одна ветка не шелохнулась. Антон вытащил из-за пояса массивную туристическую зажигалку. Чиркнул колесиком. Огонь вспыхнул ровным синим пламенем, осветив квадратную челюсть и намертво сжатые губы. — Держи, — он протянул зажигалку Лизе через спинку кресла. — Будешь жечь все, что полезет в окна. Они боятся живого огня. И главное правило, девочка. Что бы ты ни услышала из леса — голос отца, голос матери, мой голос, плач ребенка — не открывай рот. Молчи. Кто заговорит с лесом, остается в нем навсегда.

Он перехватил монтировку поудобнее, прикрывая локтем поврежденную ногу, и шагнул в темноту. Тьма сомкнулась за ним, поглотив последние отблески синего пламени. Лиза осталась одна. В остывающей груди металла, которая перестала быть автомобилем и превратилась в металлический гроб посреди чужого, голодного мира. Зеленый свет приборной панели моргнул в последний раз и умер. Наступила крошечная темнота. Только где-то далеко впереди, там, куда ушел Антон, зажегся тусклый, мертвенно-багровый огонек. Как уголек в трубке великана.

Тишина давила на барабанные перепонки сильнее, чем недавний вой. Лиза сидела в центре заднего сиденья, подтянув колени к подбородку. Зажигалка в руке казалась единственным твердым предметом во вселенной. Синее пламя дрожало, отбрасывая на салон изодранной «Тойоты» пляшущие тени.

Она посмотрела на часы на запястье. Электронный дисплей был мертв — батарейка села мгновенно после полуночи. Лиза поднесла циферблат ближе к огню. В слабом свете она разглядела стрелки механических часов: часовая замерла на двенадцати, а минутная медленно, издевательски ползла назад. Двадцать пять минут первого превращались в двадцать четыре.

Время здесь не просто остановилось. Оно гнило заживо.

Снаружи доносился только ровный шум дождя и редкий треск лопающейся от мороза коры. Антона не было уже семь минут. По его же правилам ей давно пора жать на газ, но машина была мертва окончательно — Фарух забрал не только ключи, он выпил саму искру жизни из мотора.

Лиза перевела взгляд на разбитое окно со стороны водителя. Осколки стекла торчали из рамы, как акульи зубы. За ними начиналась абсолютная чернота. Ни силуэтов деревьев, ни просветов неба. Будто лес за ночь вырос на сто метров вверх и сплелся кронами, запечатав их внутри временного пузыря.

Вдруг зажигалка щелкнула. Колесико провернулось впустую. Газ закончился. Пламя с тихим шипением погасло. Темнота ударила по глазам физически, тяжелым кулаком. Лиза вскрикнула, выронив бесполезную железку. Она упала куда-то под ноги, звякнув о остатки монтировки.

И тут началось давление. Сначала оно было ментальным — кто-то огромный и равнодушный посмотрел на машину сверху вниз сквозь кроны. Взгляд был плотным, осязаемым. Он прошел сквозь металл, сквозь куртку, коснулся кожи ледяным дыханием. Лес оценивал ее. Приценивался.

Затем послышался звук шагов. Они были тяжелыми, размеренными, и шли они *поверх* крыши автомобиля. Снег так не хрустит. Так хрустят суставы исполинского зверя. Каждый шаг прогибал тонкий металл потолка внутрь салона. Пыль вековой трухи посыпалась Лизе на голову из вентиляционных решеток.

— Выходи, красавица, — голос раздался прямо над ухом. Он шел не снаружи, он звучал изнутри ее собственной головы, вибрируя в костях черепа. Голос был женским, старым, скрипучим, как несмазанная петля. Говорили на чистом русском, но с интонациями мансийских шаманских бубнов. — Чего прячешься? Я тебе платок подарю. Красивый, бисерный. У меня много таких, девки сами оставили, когда замуж за Хозяина пошли.

Лиза зажала уши руками, размазывая грязь по лицу. Это уловка. Антон предупреждал. Нельзя отвечать. — Или ты Дениску моего пожалеть решила? — продолжил вкрадчивый шепот. — Хороший мужик, крепкий. Только скучает он. Грызет себя изнутри тоской городской. А у нас в Ключах хорошо. Тихо. Вечность живем, горя не знаем. Иди ко мне, я тебя рядом с ним положу. Одной постелью греться будете.

Голос стал обходить машину. Он перетекал из одного угла салона в другой, минуя физические преграды. Теперь он звучал сзади, из багажника: — Рюкзак-то тяжелый тянешь. Наследство бабкино? Знаю я твою бабу, Лизавету. Гордая была. Не захотела место передавать, сбежала в ваши человечьи коробочки. Думала, обманула Мертвого Старика. А нет, внучку прислала вместо себя. Долг кровью платить придется...

Лиза почувствовала, как что-то коснулось ее волос. Легкое, невесомое, словно паутина. Она взвизгнула, дернувшись всем телом. Это была не паутина. Корень старого дерева просунулся сквозь щель между дверью и уплотнителем. Он ощупывал пространство слепо, настойчиво, скользнул по ее плечу и обвил шею. Корень пах приторно-сладко — запахом осенних опят и свежей могилы.

Он начал сжиматься. Медленно, перекрывая кровоток. Перед глазами поплыли красные круги. Инстинкт самосохранения кричал, требовал разжать чужеродную хватку, царапать эту древесную кожу ногтями. Но разум вспоминал слова Антона: «*Кто заговорит с лесом, останется в нем навсегда*». Если она сейчас закричит «Помогите», этот корень станет ее новой гортанью.

Лиза закрыла глаза. Расслабила мышцы шеи. Перестала дышать, экономя остатки кислорода в легких. Она превратилась в камень. Древесная тварь не любит неподвижную добычу, ей нужна борьба, нужен страх, нужно живое сопротивление пульса под кожей. Хватка чуть ослабла. Корень-шея дрогнул, прислушиваясь.

Внезапно тишину разорвал выстрел. Сухой, громкий хлопок, совершенно невозможный в этом мертвом лесу. За ним второй. Третий. И следом — нечеловеческий рев боли, от которого задрожали остатки стекол «Тойоты». Корень на шее Лизы судорожно дернулся, хлестнул ее по щеке, оставив глубокий порез, и втянулся обратно в темноту, едва не вырвав дверь вместе с петлями.

Наступила звенящая пустота. Кто бы там ни стрелял, патроны у него закончились.

Глава 8. Голос леса

Лиза сорвала с шеи удавку корня. Кровь текла горячей струйкой за воротник. Она схватила монтировку, прижалась спиной к двери, готовясь встретить того, кто полезет в окно. Но лез никто не собирался. Из-за пределов машины доносилось тяжелое, влажное дыхание. И шаркающие шаги. Возвращался не Антон. Шаги были слишком медленными, приволакивающими.

Сквозь разбитое стекло со стороны водителя протиснулась рука. Обычная человеческая рука, если не считать того, что кожа на ней висела сухими лоскутами, а пальцы заканчивались не ногтями, а почерневшими сосновыми иглами. Рука пошарила по приборной панели, наткнулась на бардачок, рывком выдрала его вместе с креплениями. На колени Лизе посыпались старые карты дорог, пыльные чеки и фотография.

Лиза машинально подняла снимок, испачкав его кровью. Это была черно-белая карточка советских времен. На фоне бревенчатой стены бани стояла женщина в цветастом платке. Лицо строгое, губы сжаты в тонкую линию. В руках она держала точно такой же серебряный диск, который Лиза видела во сне прошлой ночью. Рядом с женщиной стоял мальчик лет семи. Его лицо скрывала тень от козырька кепки, но плечи... на плечах ребенка лежала тяжесть столетнего старика. На обороте карточки химическим карандашом было выведено: *«Елизавета и маленький Вой. Нижние Ключи, 1953 год»*.

— Узнала, значит, — прохрипели снаружи. В окне появилось лицо Фаруха. Без маски гастарбайтера. Лицо состояло из коры, покрытой сизым лишайником. Вместо глаз в глубоких впадинах горел болотный газ. — Бабка твоя умная была. Ушла сама, пока мы добрые были. Договор нарушила. А теперь ты пришла. Закон тайги простой: земля пустовать не должна. Раз в поколение кровь свою давать надо, чтобы бор стоял.

Он попытался дотянуться до Лизы через окно, но задел головой остаток стекла. Осколок срезал кусок коры с его скулы. Из раны потекла не кровь, а густая янтарная смола, застывающая на воздухе. — Отдай долг, девка, — проскрипел он, протягивая корявую ладонь. — Садись рядышком с Денисом. Ему скучно одному вечность караулить. Место Хранительницы свободно.

Лиза отшатнулась, вжимаясь в противоположную дверь. — Где он?! — крик сорвался с губ прежде, чем она успела его остановить. Страх оказался сильнее завета Антона. Фарух радостно клацнул челюстью. Деревянные зубы заскрипели друг о друга. — Позвала? Позвала! Теперь ты моя-а-а! Его голова пролезла в окно целиком, разрывая металл стойки кузова, как бумагу. Комолый старичок исчез. Над Лизой нависло нечто размером с медведя, сплетенное из гнилых стволов, мха и человеческих костей. Дыхание существа пахло спорами грибов и разложением.

Оно начало втягивать себя внутрь, заполняя собой тесноту салона. Черные ветви-пальцы метнулись к горлу девушки.

И в этот момент справа полыхнуло. Не синим огнем зажигалки, а яростным оранжевым пламенем. Огромный ком горячей жидкости влетел прямо в разверстую пасть лесного духа. Спирт. Высокооктавианный, технический. Вой взвыл. Звук был похож на падение старой колокольни. Мох на его лице вспыхнул праздничным салютом. Тварь дернулась назад, вынося часть оконной рамы с мясом, пытаясь сбить огонь лапами, которые только сильнее занимались.

В проеме окна возник Антон. Правая рука висела плетью, рукав кожаной куртки обгорел до подкладки, обнажив красный ожог. Левая рука сжимала пустую латунную флягу. Лицо было белым, как известь, но глаза смотрели ясно и зло. — Бежим! — прохрипел он. — Пока он ослеп!

Он схватил Лизу за шкирку тренча, вытаскивая из машины прямо через раскуроченную дверь. Она упала коленями в ледяную грязь, глотая воздух пополам с пеплом. Антон рывком поставил ее на ноги. — Куда?! — выдохнула она, глядя на беснующийся факел, в который превратилась «Тойота». Внутри машины рвались последние снаряженные магазины пистолета — пули взрывались яркими вспышками, калеча древнюю тварь. — За мной! — Антон толкнул ее в спину. — К бетону! Там граница!

Они побежали. Ноги вязли в прелой листве. Лес вокруг них ожил окончательно. Корни поднимались из земли, норovia подсесть колени. Ветви хлестали по лицу, выдирая волосы. Антон тащил Лизу за собой, ориентируясь только на интуицию. Он свернул резко вправо, туда,

где деревья росли чуть реже. Впереди, пробивая зеленый сумрак, показалась серая полоса. Старый бетон. Тот самый, по которому они ехали на машине.

Антон вытолкнул Лизу на твердую поверхность. Сам выскочил следом и упал на колени, тяжело дыша. Огонь позади стих. Послышался треск обрушивающихся конструкций — это падали сгоревшие остовы сосен-великанов. — Жива? — просипел он, сплевывая черный сгусток. Лиза кивнула. Ее трясло так, что стучали зубы. Она смотрела на свои руки. На ладони серебрился тусклым светом старый мансийский торев, снятый с шеи Фаруха во время суматохи. Антону он оставил лишь фотографию бабушки. — Ты... ты облил его спиртом, — простонала Лиза. — Как догадался? — Дед учил, — Антон поднял флягу. Металл был погнут, но цел. — Водяной боится огня, леший боится железа. А лесной черт, который притворяется человеком, больше всего на свете боится чистого спирта. Это для них яд хуже святой воды. Выжигает ложную плоть дотла.

Он поднялся, опираясь на плечо Лизы. — Мы перешли границу, — сказал он, кивая вперед. — Смотри. Там, откуда они прибежали, клубился густой, непрозрачный туман цвета разбавленного молока. Деревья за этой стеной тумана выглядели плоскими декорациями. А впереди... впереди дорога была сухой. Асфальт блестел под луной. И километрах в двух отсюда, на холме, мерцали редкие желтые огни. Электрические. Живые. Нижние Ключи.

— Пойдем, — Антон перехватил монтировку. — До рассвета нам нужно найти дом твоей бабки. Потому что Меняв горит долго, но сгорает не всегда. А его дети остались голодными.

Глава 9. Граница

Они шли по старому бетону, и звук их шагов был самым громким во вселенной. Шлеп-шлеп. Тяжелое дыхание Антона. Сдавленные всхлипы Лизы, которые она пыталась подавить, зажимая рот ладонью, чтобы не вдохнуть холодный воздух обожженными легкими.

Позади ревела буря. Стена тумана, от которой они отбежали всего на полсотни метров, жила своей жизнью. Она вздувалась черным грибом, из нее вылетали снопы искр — догорающий Вой метался внутри своего кокона. Лес был голосами сотен женщин, оплакивающих погибших охотников. Но здесь, на серых бетонных плитах, этого звука почти не было слышно. Как будто старая дорога была обернута в толстую стекловату.

— Он нас не преследует, — сказала Лиза, оглядываясь. Ее тренч окончательно превратился в лохмотья, открывая дорогое кружевное белье, совершенно неуместное посреди уральской тайги. — Не может, — выдохнул Антон, останавливаясь перевести дух. Ожог на его руке выглядел жутко: кожа слезла лоскутами, обнажая красное мясо. — Бетон заливали в шестидесятых. Тогда еще умели делать государственные границы. Это просека Мертвой Охоты. Пока мы на ней, он слеп и глух. Но сойдем на обочину — разорвет за секунду. Иди строго по центру.

Лиза посмотрела под ноги. Плиты были старыми, покрытыми лишайником. Между стыками пробивались молодые сосенки. На одном из стыков кто-то выцарапал ножом неровную надпись: «*Сашика + Варя 1984*». Чуть дальше валялась ржавая банка сгущенки с синей этикеткой ГОСТа. Время здесь действительно текло иначе — оно застывало янтарем прямо на поверхности дороги.

— Почему Дениска остался? — спросила Лиза, чтобы отвлечься от боли в груди. Каждый шаг отдавался в сломанных ребрах. — Ты сказал, он пришел добровольно. Антон долго молчал, глядя на желтые огоньки деревни, которые почему-то не становились ближе, хотя они шли уже минут двадцать. — Мы тогда «Урал» сопровождали. Груз для нефтеразведки. Денис всегда любил тайгу больше людей. Когда наш контракт закончился, он психанул, уволился. Сказал, что пойдет искать корень жизни. Золотой корень, женьшень... Дурак. Нашел он свой корень. Только это оказался совсем другой саженец. — Фарух говорил, что Дениска теперь караулит. — Менквам нужен сторожевой пес, — сплюнул Антон. Крови в слюне не было, только рыжая пыль. — Чтобы граница держалась. Чтобы такие, как мы с тобой, не шастали туда-сюда. Дениску взяли силой, напоили отваром из мухоморов. А когда отпустило — он сам

решил остаться. Там ведь нет времени, понимаешь? Нет ипотеки, нет начальства, нет старости. Вечная осень. Он просто устал бороться. Предатель.

Лиза почувствовала острый приступ злости. На Дениса, на бабу Елизавету, которая подбросила ей этот «подарок», на себя саму за то, что села в эту машину. — Я не буду ничего охранять, — процедила она. — Пусть этот лес провалится в болото вместе со своими договорами. У меня через два дня показ коллекции в Москве. Меня ждут. Антон усмехнулся углом рта. Обожженная кожа натянулась, треснув. — Тебя никто не спросит, дизайнер. Место силы само выбирает носителя. Если ты внучка Елизаветы, значит, кровь приняла дар. Теперь либо ты станешь Хозяйкой Ключей, либо Ключи выпьют тебя досуха и найдут другую наследницу. Моя задача проще — вытащить друга или убедиться, что хоронить нечего.

Впереди замаячила человеческая фигура. Она стояла прямо посреди дороги, спиной к ним. Мужчина в телогрейке. Голова опущена, руки висят плетью. — Стоять, — тихо командовал Антон, выставив монтировку вперед. — Кто идет? Фигура медленно повернулась. У нее не было лица. Просто гладкий срез коры там, где должны быть глаза, нос и рот. Телогрейка была распахнута, а вместо грудной клетки зиял черный скворечник, из которого тянуло холодом могилы. — Холодно, — прошелестело существо безгубым ртом-щелью. — Дай хлебushка. Оно сделало шаг. Его ноги не сгибались в коленях, поворачиваясь всем корпусом, как у игрушки-марионетки.

Антон шагнул навстречу, закрывая собой Лизу. — Пошел вон, мертвяк советский, — бросил он. — Дорогу забыл? Существо издало звук ломающегося дерева и кинулось вперед невероятно быстрым, дерганным движением. Оно целилось длинными пальцами Антону в глаза. Удар монтировки пришелся точно в плечевой сустав. Звук был такой, словно переломили сухую доску. Рука нападающего повисла на лоскуте кожи. Из раны посыпались сухие листья и мышинные кости. Второго удара не потребовалось. Существо рассыпалось ворохом истлевшей одежды прямо на бетоне. Только телогрейка осталась целой. Антон брезгливо поддел ее носком ботинка. Из кармана выкатилась помятая медаль «За трудовую доблесть». — Местные жители, — прокомментировал он. — Те, кого Вой подобрал на этой дороге за последние сорок лет. Призраки бетона. Идем быстрее, скоро эффект просеки кончится. До околицы километр.

Глава 10. Искажение

Километр растянулся в пять. Деревня Нижние Ключи играла с ними в пространственную петлю. Огоньки фонарей (старые советские плафоны-шарами) висели над туманом неподвижно, но сколько бы они ни шли, склон холма оставался таким же далеким. Лиза заметила это первой, взглянув на часы Антона. Механизм стоял. Она достала телефон. Экран вспыхнул и погас навсегда — аккумулятор умер второй раз, теперь уже окончательно. — Мы ходим кругами, — прошептала она, хватая Антона за рукав здоровой руки. — Нет, — отрезал он. — Кругов нет. Есть точка схода. Нас водят иллюзией расстояния. Смотри на сапоги. Он указал вниз. Их следы на бетонных плитах исчезали. За их спинами снова лежал чистый, нетронутый серый камень, заросший лишайником. Они топтались на месте, оставаясь статичными фигурками в движущейся декорации леса.

— Что делать? — паника снова начала подступать к горлу. Ингалятора не было, воздуха не хватало. — Дед учил: если леший крутит — нужно одежду переодеть наизнанку, — задумчиво протянул Антон. — Или обувь левый с правым поменять. Но у меня один ботинок сорок шестого размера, менять не на что. Значит, будем действовать грубо. Земля любит железо. Он остановился. Вытащил из ножен на поясе массивный охотничий нож с широким лезвием. Опустился на одно колено прямо посреди дороги. — Отвернись, — приказал он. — Зачем? — Делай, что сказано!

Лиза послушно зажмурилась. Сзади раздался мерзкий хруст, чавканье и сдавленная ругань. Когда она рискнула открыть глаза, Антон стоял, тяжело опираясь на монтировку. Лицо было бледным до синевы, по подбородку текла струйка крови. На серой плите перед ним лежал

кусок содранной с собственной голени кожи размером с ладонь. Под кожей тускло блестела сталь. — Импланты после аварии, — пояснил он, заметив ее ужас. — Титановый штифт. Лес чувствует металл сквозь плоть, но плохо. Сейчас я ему маяк включу. Он размахнулся и зашвырнул свой кожаный лоскут далеко в сторону, в густой кустарник у обочины. Туман мгновенно среагировал. Раздался утробный, разочарованный рык откуда-то справа. Желтые огни деревни мигнули и начали плавно смещаться левее. Иллюзия рухнула. Пространство встало на место. Склон холма вдруг оказался в двухстах метрах впереди.

— Добро пожаловать, — прохрипел Антон, затягивая импровизированный жгут из собственного ремня выше колена. — Нас приглашают внутрь. Маячок работает. Теперь эта тварь будет думать, что мы ушли в лес, пока мы идем в деревню.

Глава 11. Застывшее время

Последние метры они преодолели ползком, прячась в густом тумане. Старая бетонка закончилась, упершись в грунтовку. А затем началось самое страшное. Не монстры, не корнибийцы, а тишина абсолютного порядка.

Нижние Ключи встретили их запахом нагретого железа и картофельной ботвы. Дома стояли крепкие, крытые шифером. Заборы ровные, штaketник покрашен свежей зеленой краской. Ни одного перекошенного гнилого венца. Идеальная деревня-призрак. Но в ней не было движения. Совсем. В палисаднике ближайшего дома качались детские качели. Цепочка замерла ровно в верхней точке амплитуды. Рядом на веревках висело постельное белье — наволочки и простыни в мелкий цветочек. Ни ветерка, но ткань казалась твердой, как фанера. Капля воды на бельевой веревке висела стеклянным шариком, не падая.

Лиза подошла к колодезному журавлю. Деревянная бадья была наполнена до краев. Она заглянула внутрь. Вода отражала луну. Но отражение было неправильным: луна в воде была полной, а настоящая луна, видневшаяся в разрывах тумана над деревней, шла на убыль. Она опустила руку в воду. Жидкость оказалась вязкой и теплой, как остывший кисель. Лиза отдернула пальцы — на коже остались крупинки ила, складывающиеся в узор человеческого глаза.

— Девяностые, — сказал Антон, стоящий позади. Он доковылял до забора и опирался на него, оставляя кровавый след на белых досках. — Или раньше. Посмотри на провода. Медная лапша. Сейчас таких не делают, сплошной алюминий. И телевизоры на окнах. Старые «Рубины». Лиза подняла взгляд. В каждом доме на подоконниках стояли пузатые ламповые телевизоры. Экраны светились мертвым голубым светом, транслируя одну и ту же рябь. Где-то бесконечно шипел белый шум, создавая гипнотический фон этой ночи.

— Где все люди? — шепотом спросила она. — Ушли наверх, — ответил Антон. — По стволу Великой Лиственницы. Или вниз, в корневище. Деревня — это прихожая. Сюда Вой пускает тех, кому дает выбор. Видишь дым? Над одной единственной трубой на краю деревни поднималась тонкая сизая струйка. Натуральный дым, пахнувший березовыми дровами, а не торфяной гарью. — Там живой огонь, — кивнул Антон. — Там твой нотариус. Или то, что от него осталось. И мой друг. Нам туда.

Он оттолкнулся от забора и сделал первый шаг на мягкую траву обочины. Как только тяжелый армейский ботинок коснулся земли вне спасительного бетона, воздух вокруг них загустел. Температура упала градусов на десять. Из-за угла соседнего сарая вышла женщина. Молодая, в байковом халате и с тазом мокрого белья. Таз был пуст. Женщина прошла мимо них, глядя прямо перед собой пустыми глазницами, завернутыми в полиэтиленовый пакет. Она открыла калитку, вошла во двор и принялась ожесточенно стирать невидимые вещи в пустом оцинкованном тазу. Звук был оглушительным — скрип мокрого пластика о металл.

— Не смотри ей в лицо, — процедил Антон, увлекая Лизу за угол бани. — Иди по тени. Держись вплотную ко мне.

Они двинулись крадучись вдоль заборов. Лиза старалась дышать в такт скрипу стирального таза, чтобы заглушить стук собственного сердца. Впереди, освещенное теплым керосино-

вым светом, показалось здание сельсовета. Окна первого этажа были заклеены пожелтевшими газетами «Правда». На двери висел большой амбарный замок, который проржавел насквозь, но дверь при этом оставалась плотно закрытой. А сразу за сельсоветом, на самом высоком месте, куда вела единственная расчищенная тропинка, возвышался дом. Тот самый. Резные наличники в виде совиных крыльев. Ставни закрыты, но сквозь щели льется медовый электрический свет. И именно оттуда, из-под крыльца этого дома, рос гигантский ствол. Черный, узловатый, уходящий вершиной сквозь низкие облака в космос. Корни дерева взломали фундамент сельсовета и выбили брусчатку площади. Это была Великая Лиственница. Сердце места силы.

— Пришли, — выдохнул Антон. — Второй этаж, крайнее окно слева. Видишь шевеление? Там кто-то есть. Лиза присмотрелась. Тюлевая занавеска на указанном окне чуть заметно колыхалась. Хотя в мире остановленного времени ветра не существовало. Внутри двигалось нечто, имитирующее жизнь.

Глава 12. Дом бабушки

Крыльцо встретило их запахом пчелиного воска и сушеной мяты. Деревянные ступени не скрипели под ногами — они просто поглощали звук, как толстый слой войлока. Антон шел первым, выставив вперед монтировку. Лиза держалась за его ремень, стараясь ступать точно в следы от тяжелых ботинок.

Дверь была приоткрыта. Из щели лился тот самый медовый свет, густой и теплый, пахнущий старым деревом и типографской краской. Внутри работал радиоприемник «Океан». Диктор читал прогноз погоды на вчера: *«В Свердловской области переменная облачность, без осадков...»*

— Денис? — хрипло позвал Антон, замирая у порога. Ответом ему стал сухой щелчок взводимого курка. Громкий, металлический, совершенно неуместный среди этой сонной идиллии. — Стоять, мусор, — голос был знакомым, но искаженным, словно говоривший долго жевал стекло. — Еще шаг, и я разнесу тебе колени. Из глубины комнаты, из-за круглого стола, накрытого плюшевой скатертью с бахромой, поднялся человек. Это был Денис. Но узнать армейского товарища Антона было трудно. Он поправился килограммов на тридцать. Лицо стало одутловатым, белым, как недопеченное тесто. Только глаза остались прежними — холодными, внимательными точками. В руках он сжимал старую двустволку ТОЗ-34, направляя стволы Антону в живот. Рядом с ним за столом сидел Фарух. Проводник выглядел как обычный уставший старик в тулупе. Он пил чай из блюдца, шумно втягивая кипяток, и крошил в него сушки.

— Заждались мы вас, дорогие гости, — проскрипел Фарух, вытирая губы рукавом. — Думали, заблудитесь совсем. А ты, девонька, проходи, не стесняйся. Бабка твоя Елизавета Петровна страсть как аккуратная была, прямо как ты. Все по полочкам разложила. Лиза отпустила куртку Антона и сделала шаг в комнату. Тепло ударило в лицо. Здесь действительно было лето. На стене громко тикали часы с кукушкой, хотя дверца для птицы была наглухо заколочена ржавым гвоздем.

— Где настоящий Денис? — спросил Антон, не опуская головы, но чуть разводя руки в стороны, демонстрируя пустые ладони. — Что ты сделал с его лицом, грибница? Денис (или то, что носило его кожу) усмехнулся. Уголок его рта треснул, обнажив белую паутину вместо десен. — Я и есть Денис. Просто... расширенный. Лес дал мне тело, которому не нужен спальник и тушенка. Посмотри, какая стать. Разве этот кусок мяса сравнится со мной? — он похлопал себя по огромному животу. Звук был глухим, как удар по мешку с песком. — Мы тут вечно живем. Чиним гармошки, топим печи. Рай.

— Твой рай воняет псиной и гнилью, — бросил Антон. — И ствол опусти. Патроны-то деревянные. — А вот и нет, — ухмыльнулся лже-Денис. — Хозяин знает толк в металле. Смотри. Он демонстративно медленно переломил ружье. Гильзы вылетели на стол. Они блеснули настоящей латуной. Денис выщелкнул одну на ладонь и протянул Антону. Антон взял

ее двумя пальцами. Понюхал. Попробовал на зуб. Лицо его исказилось от ярости. — Серебро, — выдохнул он. — Ты отдал им свои зубы, да, брат? Поэтому улыбаешься так широко? За серебряную дробь продался? — Я купил себе бессмертие, — спокойно ответил Дениска. Глаза его блеснули желтым волчьим огнем. — А ты все еще цепляешься за свою смертную шкурку. Бросай железку, Антон. Вой разрешает тебе остаться. Будешь младшим стражем. У оврага стоять, где туман гуще всего. Работы немного.

Лиза слушала это безумный диалог, прижимая руку к груди. Боль от корня почти прошла, сменившись странным гулом в ушах. Медовый свет лампы начал пульсировать в такт биению ее сердца. Она подошла к большому комоду из карельской березы. Тот самый, из нотариальной описи. Верхний ящик был выдвинут. Внутри лежали стопки пожелтевших писем, перевязанных бечевкой, и тяжелый бархатный сверток. Лиза развернула ткань. На черном бархате лежал серебряный торев. Пластина диаметром с десертную тарелку, покрытая густым чеканным узором. В центре скалил пасть медведь, а по краям бежала вязь мансийских рун. Металл был ледяным, несмотря на жар натопленной комнаты. Как только пальцы Лизы коснулись серебра, радиоприемник «Океан» коротко взвыл и затих навсегда. Стрелка часов дернулась и пошла назад.

— Время вышло, — сказала Лиза. Голос ее прозвучал низко и незнакомо даже для нее самой. — Вы сидите в прихожей, мальчики. А я пришла принять ключи от дома. Фарух перестал пить чай. Его фигура начала стремительно меняться: тулуп осыпался трухой, спина выгнулась дугой, череп вытянулся. Комолый старичок исчез, перед ними снова стоял лесной черт, дышащий смрадом болот. — Не по чину берешь, кровь Лизаветина! — рявкнул он, стуча деревянной клешней по столу. — Место силы кровью берется! Своей или чужой!

Глава 13. Хозяин топи

Лже-Денис вскинул ружье. Серебряная дробь — верная смерть для человека и мучительная пытка для таких, как Антон. Но выстрелить он не успел. Антон метнулся вперед не человеческим прыжком, а длинным скользящим выпадом. Монтировка описала короткую дугу и врезалась не в голову противника, а в шейный позвонок. Раздался хруст мокрого валежника. Голова Дениса повернулась вокруг своей оси на сто восемьдесят градусов. Тело сделало еще один шаг вперед, бестолково размахивая руками, прежде чем рухнуть на плюшевую скатерть. Из разорванной шеи полезли не жилы, а белые шляпки бледных поганок.

— Я лесничий, а не сторож, — прорычал Антон, скидывая мертвое тело со стула ногой. — Места у своего оврага сам ищи. Фарух взревел. Крыша дома содрогнулась. Снаружи послышался ответный рев — проснулся Великий Вой. Корни Лиственницы начали пробивать пол снизу, извиваясь серыми змеями. — Убейте их! — приказал проводник. — Кровь на алтарь!

Одна из корней-плетей метнулась к Лизе. Она действовала на чистых инстинктах, брошенных в кровь древним наследством. Девушка сорвала со стены вышитый рушник, которым бабушка прикрывала телевизор, и швырнула его в морду лесного духа. Обычная тряпка. Но она была освещена лампой, намолена десятилетиями человеческого тепла. Рушник впечатался в лицо твари, вспыхнув ярким оранжевым пламенем. Фарух отшатнулся, закрывая морду лапами. Запахло паленой шерстью и вареным мясом.

Этого хватило Антону. Пока дух выл, катаясь по полу, бывший спецназовец обошел его со спины. Взмах тяжелого туристического топора, который он незаметно вытащил из своего фибрового чемодана, пока отвлекал внимание разговором. Удар пришелся точно в основание черепа, туда, где древесный хребет переходил в плечи. Войс-страж развалился надвое. Вместо крови брызнула горячая смола. Тело начало стремительно сохнуть, превращаясь в гору первоклассного бурого угля посреди гостиной.

Стало тихо. Только тяжело дышал Антон, опираясь на топорище. Пол под ногами мелко вибрировал. Великая Лиственница гневалась на святотатство. — Где место силы? — прохрипел Антон, поворачиваясь к Лизе. — Говори, быстро! Нас сейчас погребет под обломками!

Лиза смотрела на серебряный торец в своих руках. Руны на нем теперь светились изнутри тусклым багровым светом. Она больше не боялась. Страх остался там, на бетонке. Теперь внутри была только звенящая пустота и понимание схемы этого места. — Погребет, если будем внизу, — ровно ответила она. — Наверх. Она кивнула на приставную лестницу, ведущую на чердак. Обычно такие лестницы пугают городских жителей темнотой и пылью. Сейчас это был единственный путь спасения от смыкающихся корней.

— Сумасшедшая, — констатировал Антон, но спорить не стал. Подхватил свой чемодан и полез первым, проверяя каждую ступеньку весом. Лиза поднялась следом. Когда она ставила ногу на предпоследнюю перекладину, корень прошел деревянный пол кухни прямо под ней, вырвав половицу. Девушка выскочила на чердак, больно ударившись коленями о дощатый настил.

Антон уже откинул крышку потолочного люка и выбрался на крышу. Лиза выползла следом. Они оказались на плоской кровле, покрытой рубероидом. Отсюда деревня Нижние Ключи выглядела игрушечной. А прямо перед ними, разрывая конек крыши, возвышался колоссальный ствол Лиственницы. Кора дерева была испещрена глубокими трещинами, из которых сочился желтый сок-смола. Ветви начинались высоко вверху, скрываясь в облаках. И на уровне чердака, в толще коры, виднелось огромное дупло. Естественное углубление, застеленное сухим мхом. Идеальное гнездо. Или трон.

Земля под домом содрогнулась. Фундамент рассыпался. Одноэтажная деревянная коробка начала складываться внутрь себя, как карточный домик. Клубы пыли и битого шифера полетели вверх. — Сюда! — крикнул Антон. — Другого шанса не будет! Он подтолкнул Лизу к дуплу. Оно было достаточно широким, чтобы пролез взрослый человек. Внутри пахло озоном, медом и почему-то детством — карамелью и чистыми простынями.

— Сначала ты, — уперлась Лиза. — Ты ранен, я легче. Прикроешь. Антон оскалился, схватил ее за воротник тренча и буквально зашвырнул внутрь дупла. Лиза пролетела метр в тесноте, ободрав плечи, и упала на пружинящую подстилку из мха. Следом, рыча от натуги, втиснулся Антон. Он едва поместился, прижавшись к ней спиной. Втянул ноги, и вовремя: огромная лапа Фаруха, слепленная из грязи и гнилых веток, сомкнулась на краю дупла снаружи.

Проводник заглянул внутрь. Его глаз горел ненавистью. — Наследница мертва! — проревел он. — Договор расторгнут! — Передай привет своему пню! — огрызнулся Антон и со всей силы ударил рукоятью топора по единственной опоре, державшейся на честном слове. Это был старый телеграфный столб, прислоненный к дому много лет назад. Столб упал, увлекая за собой обесточенные провода. Провода захлестнули шею лесного стража. Высоковольтный разряд столетней давности, накопленный в медных жилах, ударил в монстра. Фарух вспыхнул бенгальским огнем целиком — от копыт до кончиков рогов — и рухнул вниз вместе с остатками бабушкиного дома.

Как только голова чудовища скрылась под завалом, мир изменился. Грохот падения резко оборвался. Рев Великого Войса перешел в тонкий мышиный писк. Жар раскаленного рубероида сменился прохладой. Лиза открыла глаза.

Глава 14. Разные дороги

Они лежали на полу знакомой комнаты. Но комната была другой. Обои с васильками стали новыми, яркими. Телевизор «Рубин» сиял полированным деревом. На столе стояла корзинка со свежим, еще теплым хлебом. За окном стояло раннее утро. Летнее солнце заливало улицу Нижних Ключей. Год тысяча девятьсот восемьдесят шестой. Дата вернулась на свое место.

Антон сел, тяжело привалившись к ножке стола. Его дорогой кожаный плащ превратился в лохмотья, правая рука представляла собой сплошной ожог. Но кровотечение остановилось. — Жива? — спросил он, глядя на свои руки. — Кажется, — Лиза ощупала лицо. Порезов нет.

Только грязная маска из копоты. Она посмотрела на свои ладони. Серебряный торев никуда не делся — он висел на ее шее на толстом сыромятном ремешке. Холодный металл приятно успокаивал кожу.

Дверь в сени со скрипом открылась. На пороге стояла женщина. Та самая, с фотографии. Елизавета Петровна. Ей было около пятидесяти, крепкая, властная, в неизменном цветастом платке. Она посмотрела сначала на Антона, потом на Лизу. Оценивающе, строго. — Явились, — констатировала она, доставая из кармана фартука кисет. — Долго же тебя ждать пришлось, праправнучка. Думала, избалуют тебя в твоих городах, ума не хватит порог переступить. — Кто вы? — спросила Лиза, вставая. Ноги были ватными. — Камень, на котором стоишь, — отрезала бабка. — Хранительница. Вернее, бывшая. Срок мой вышел сегодня ночью. Последняя полночь октября. Я бы умерла в постели в своей квартире, а душа осталась бы здесь бродить неприкаянной. А так хоть дом живой останется. Она подошла к Лизе вплотную. От нее пахло табаком и земляникой. Старуха взяла внучку за подбородок жесткими пальцами, заставила посмотреть в глаза. — Видишь линию? — она провела пальцем по воздуху от уха Лизы к уголку губ. — Родовая печать. Теперь это твои Ключи. Твоя граница. Каждую ночь будешь обходить бор. Чтобы дети в поселке не пропадали. Чтобы скотина не портилась. Согласна? Лиза хотела сказать «нет», хотела кричать, что хочет обратно в Москву, к проектору и недошитым платьям. Но горло перехватило. Она посмотрела на серебряный диск на своей груди. Вой леса за стенами дома ждал ее решения. Тихо, покорно. Он признал королеву. — Да, — шепнула Лиза. — Согласна.

Бабка удовлетворенно кивнула. Достала из сундука моток красной шерсти. — На, повяжешь на Восточный корень завтра. А теперь иди. Тебе отдохнуть надо. Первый раз всегда худо бывает. Елизавета Петровна махнула рукой в сторону спальни. Для нее они были уже призраками будущего, которые сделали свое дело.

Лиза вышла в сени, спустилась с крыльца. Утреннее солнце ослепило ее. Она обернулась. Дом стоял крепко. В окне второго этажа мелькнул силуэт молодой женщины — видимо, матери Лизы в своем детстве. Временная петля замкнулась. Антона на крыльце не было. Она сбежала по ступенькам и увидела его. Он стоял у калитки, ведущей на ту самую дорогу. Чемодан стоял рядом. Рука была кое-как обмотана его собственной рубашкой. — Тебя оставили, — сказал он, не глядя на нее. — Поздравляю, Хозяйка. — А ты? — спросила Лиза. — Куда ты пойдешь? У тебя ведь теперь ничего нет. Ни работы, ни друга. Антон наконец посмотрел на нее. В глазах не было жалости к себе. Только тяжелая, ясная пустота человека, потерявшего единственную привязанность, но обретшего свободу. — Пойду проверять другие границы, — он криво улыбнулся обожженным лицом. — Говорят, на Алтае горы слишком правильные. Надо бы подписать пару вершин, чтоб стояли честно. Да и слово я дал — в лесники податься. Настоящие.

Он поднял фибровый чемодан. — Береги дедовский лес, девочка. И спасибо. Если бы не твой аккумулятор, спекся бы я там, в машине. Лиза хотела спросить, причем здесь аккумулятор, но поняла сама. Ее страх, ее выброс адреналина, усиленный артефактом, создал помеху, которая позволила Антону выиграть те секунды, что решили исход драки.

— Прощай, — сказала она. — До встречи, — кивнул он. — На перекрестках миров увидимся. Может, через десять лет. Может, через час. Время здесь такое.

Антон открыл калитку и шагил на грунтовку. Сделал два шага. Обернулся, чтобы помахать рукой... И растворился в утреннем тумане. Словно его никогда и не было.

Лиза постояла еще минуту, грея руки о холодный торев. Затем развернулась и пошла в дом. Сегодня нужно было учиться растапливать русскую печь. Бор не будет ждать.

Глава 15. Хроники Хранительницы: Октябрь

Первый обход Лиза совершила на следующую ночь. Елизавета Петровна не дала ей поспать и трех часов. В два часа пополуночи, когда луна скрылась за плотными тучами, бабка вошла в спальню без стука. Она была одета в брезентовый плащ, а в руках держала керосино-

вую лампу «летучая мышь». — Поднимайся, — скомандовала она. — Твоя смена начинается сейчас. Пока месяц молодой, они тихие. Дальше хуже будет. Лиза села на кровати. Серебряный торев холодил грудь даже сквозь фланелевую ночнушку. Сон слетел мгновенно. Страх тоже отсутствовал — вместо него внутри поселилось тяжелое, звенящее чувство ответственности, похожее на похмелье после бессонной смены перед дедлайном.

Они вышли во двор. Воздух пах озоном и мокрой псиной. — Правило первое, — бросила Елизавета через плечо, зажигая фитиль лампы. Искра высветила резкие морщины на ее лице. — Никогда не называй их по именам, которые им дали люди. У них свои имена из одного звука, произносить их нельзя — горло порвешь. Говори просто: «этот», «гость» или «сосед». И никогда не оборачивайся, если услышишь свое имя со стороны бани. Это оно так играет. — Кто «оно»? — пискнула Лиза, пытаясь попасть ногами в резиновые сапоги, которые были ей велики размера на три. — Местные, — отрезала бабка. — Мелочь пузатая. Те, кто под корой живет.

Запись первая. Моховой Обход начинался от Великой Лиственницы. Дерево больше не выглядело чужеродным монстром. Теперь Лиза видела его иначе: кора казалась гладкой, пульсирующей венами, а корни светились в темноте мягким фосфорическим светом, обозначающая границы деревни. Бабка вела ее старой тропой вдоль забора участкового Митрофаныча. Участок был пуст уже лет десять — погостили волки еще в девяностых, но дом стоял крепкий. — Стой, — шепнула Елизавета. — Слышишь? Лиза прислушалась. Из-под крыльца соседнего дома доносился ритмичный хруст. Словно кто-то перемалывал сухари огромными жерновами. — Не дергайся, — приказала бабка. — Он нас видит, мы его пока нет. Это Моховой. Крыша у Митрофаныча течет, стропила гниют. Наш гость обедает. Из тени медленно выступила фигура размером с крупную собаку. Но это была не собака. Густая шуба состояла из зеленого мха, прелой листвы и древесной трухи. Вместо головы — нарост капа. Глаз не было, но Лиза чувствовала тяжелый, изучающий взгляд откуда-то из области живота существа. Моховой перестал жевать. Наступила тишина. — Доброй ночи, сосед, — спокойно сказала Елизавета Петровна, поднимая лампу выше. — Кланяйся новой Хозяйке. Существо издало звук, похожий на скрип старой качели, и медленно, с достоинством склонило свою деревянную голову-кап. Затем развернулось и ушло обратно под крыльцо, оставив на ступенях россыпь свежих опилок. — Чего он хотел? — выдохнула Лиза, когда сердце перестало пытаться выпрыгнуть через горло. — Разрешения, — пожала плечами бабка. — Раньше я ему позволяла крышу точить взамен на то, что он крыс гоняет. Теперь твоя очередь дозволять. Или запретить. Если запретишь — сгниет крыша к весне, завалит старика балкой. Выбирай. Лиза промолчала. Выбор между человечностью и магией оказался неожиданно тяжелым.

Запись вторая. Банник К бане Елизаветы Петровны они подошли около четырех утра. Небольшой сруб стоял чуть поодаль от дома, над самой кромкой оврага. Пахло березовым веником и почему-то сырой рыбой. — Здесь будь начеку, — голос бабки стал жестким. — Банник — самый пакостный дух. Ему скучно шесть дней в неделю. На седьмой моется всякая лесная погань, вот тогда он злой. А сегодня среда, он должен быть смирным. Она трижды поклонилась низкой двери бани, касаясь пальцами земли. — Хозяин-Банушко, пусти помыться, воды набрать, силу твою не тратить, — пробубнила она скороговоркой. Дверь приоткрылась сама. Внутри было темно и парко, хотя печь давно остыла. Лиза шагнула следом за бабкой, высоко поднимая лампу. На полке сидел маленький, голый, весь покрытый седыми волосами старичок. Ростом с кошку. Он деловито раздирал когтями крупного хариуса, вывалившегося прямо из каменки. Рыба была свежей, хотя льда в этих краях еще не видели. Старичок поднял голову. Его глаза были красными, как угли, а рот растянут в широкой улыбке до самых ушей. — Лизавета пришла, — пропищал он голосом, похожим на писк комара. — Старая стала, косточки ревматизм ломит. Помоем старую? — Помоем, потерем, да вон внучку мою научи спину держать, — невозмутимо ответила бабка. — Знакомься, это Лиза. Будет теперь тут главная. Бан-

ник соскочил с полки. Его ступни не касались пола — он скользил по воздуху, оставляя влажный слизистый след. Он подошел к Лизе вплотную и шумно втянул носом воздух у самого ее лица. — Городская, — разочарованно протянул он. — Мылом французским пахнет. Духов мертвых набрызгалась. Фу. Такая хозяйка мне ворота дегтем вымажет. — Я тебе лучше дам, — быстро нашлась Лиза, вспомнив слова Антона про спирт. — Одеколон «Гвоздика». Настоящий. От всех болезней. Глаза Банника вспыхнули ярче. Старые духи советской глубинки имели простые, незамысловатые вкусы. — Три раза в год будешь плескать на камни, — тут же начал торговаться он. — И паутину по углам не трогать, это мои кружева. И воду после двенадцати не лей, я золочу ее. — По рукам, — кивнула Лиза. Банник радостно взвизгнул, подпрыгнул и исчез в щели между половицами, прихватив недоеденную рыбу. — Легко отделалась, — проворчала бабка, выходя наружу. — Обычно он гостей кипятком шпарит для знакомства. Запомни: в бане ничего металлического не оставлять. Вилку забудешь — он ею себе в зубах ковырять будет, а потом тебя этой вилкой... Сама понимаешь.

Запись третья. Овраг (Тревога) Рассветное небо окрасилось в цвет застывающей крови. Они дошли до Восточного корня — того места, где граница леса делала изгиб, спускаясь в глубокий, затянутый туманом распадок. Место считалось дурным даже при старой Хозяйке. Здесь стояли красные флажки на веревке. Обычная хлопковая ткань, вымоченная в солевом растворе с добавлением толченого чеснока. — Тут лежат кости старого медведя-шатуна, которого дед твой валил, — пояснила Елизавета, передавая Лизе моток красной шерсти. — Вязать умеешь? Лиза молча взяла шерсть. Узлы сами ложились под пальцы — память тела просыпалась быстрее памяти разума. Каждое дерево вдоль края оврага нужно было опоясать нитью. Это создавало сигнальную сеть. Когда Лиза повязывала третий узел на тонкой осине, красная нить внезапно натянулась и лопнула с сухим треском. Звук был похож на выстрел мелкокалиберной винтовки. Внизу, в молочной мгле оврага, что-то огромное пришло в движение. Туман закрутился воронкой, издавая низкий утробный гул. — Быстро! — рявкнула бабка, хватая Лизу за руку. — Нарушитель! Они побежали назад, к дому. Елизавета бежала удивительно быстро для своих лет, сжимая в свободной руке старый топор-колун. — Что это?! — крикнула Лиза на бегу. — Бродячий! — выдохнула бабка. — Менкв перекати-поле. Своего дерева нет, корней нет. Ходит по бору, молодых лосят давит, женщин пугает. Флажки рвут только такие залетные гастролеры. Наши местные знают правила! Они ворвались во двор. Бабка захлопнула калитку и начала чертить топором на земле сложный символ, напоминающий снежинку. — Бери соль! — приказала она. — Кидай горсть туда, куда скажу! Лиза схватила холщовый мешок с крупной серой солью, стоявший у порога. Сердце колотилось где-то в горле, но руки не дрожали. Адреналин дизайнера, привыкшего сдавать проекты за час до дедлайна, смешался с древней силой рода. — Левый край! — скомандовала Елизавета. Лиза метнула щепоть соли. Крупинки рассыпались в воздухе серебряным облаком и вспыхнули коротким фиолетовым пламенем, не долетев до земли. Вой боли сотряс утреннюю тишину. Из тумана оврага вылетел темный силуэт — высокий, сутулый, состоящий сплошь из острых углов и спутанных волос. Он ударился о невидимую стену там, где упала соль. Граница работала. Существо забилося в конвульсиях, пытаясь пролезть между гранями защитного купола. Оно оставляло на прозрачном барьере жирные следы смолы. — Держи линию! — прохрипела бабка. Лицо ее стало белым, по виску тек пот. Поддерживать щит было тяжело. — Сейчас доплачу налог! Она подбежала к колодцу, зачерпнула ведро ледяной воды и плеснула прямо на защитный контур. Вода стекла по невидимому стеклу вниз, на землю, образуя лужу. Отражение в луже оказалось неправильным. Там, внизу, под землей, бродячий Менкв выглядел иначе. У него было лицо Дениса. Друга Антона. Только кожа свисала с черепа лоскутами, обнажая грибницу. — Ты украл его оболочку, — прошипела Елизавета Петровна, наступая на границу. — Бесчестье! Существо за преградой замерло. Оно посмотрело на бабушку своими провалами глаз. А затем начало меняться. Остроугольная фигура оплыла, превратилась в огромную жабу с человеческой головой, а потом рассыпалась ворохом

сухих листьев. Иллюзия развеялась. Остался только настоящий гость — клуб черного, жирного дыма, пытающийся просочиться сквозь щель в заборе. — Соль! На дым! — выкрикнула Лиза. Она сыпанула добрую половину мешка. Соль встретилась с темнотой. Раздался оглушительный хлопок, запахло жженым сахаром и паленой шерстью. Дым взвыл и втянулся обратно в землю, растворяясь в камнях.

Наступила тишина. Только кричали первые петухи в деревне, которая наконец-то просыпалась для обычной, человеческой жизни. Елизавета Петровна опустилась прямо на землю, тяжело дыша. Ее плечи тряслись. — Старая я стала, — повторила она, глядя на свои дрожащие руки. — Едва удержала. Еще пять минут, и он бы прошел по воде подземной. Лиза бросила пустой мешок. Руки были по локоть в белой пыли. Она посмотрела на восток. Солнце показалось над верхушками сосен, окрашивая мир в теплые, нормальные цвета. — Завтра докупим соли, — ровным голосом сказала новая Хранительница. — И надо научить меня делать эти ваши узоры на земле. Топором много не наковыряешь. Бабка подняла на нее удивленный, а затем одобрительный взгляд. — Горяча, — усмехнулась она. — Вся в меня. Пойдем чай пить. Баранки есть. И банку тушенки Баннику вынеси, заслужил, отвлек гостя на себя.

Лиза кивнула. Она стерла сажу со щеки рукавом, поправила на груди холодный серебряный диск и пошла в дом. Впереди был новый день, полный стирки, готовки и защиты границ мироздания с помощью соли, баранок и хорошей памяти на чертежи мансийских рун.

Глава 16. Хроники Хранительницы: Инвентаризация

Первые две недели Лиза жила в состоянии злого, сосредоточенного недоумения. Наследство оказалось не просто должностью — это была круглосуточная работа аварийной службы без выходных и профсоюзов.

Москва с ее дедлайнами казалась теперь санаторием для нервных горожан. Там самым страшным монстром был арт-директор Игорь. Здесь же приходилось договариваться с плесенью на бревнах, чтобы та не жрала венцы слишком быстро.

Елизавета Петровна правила жестко. Она выдала внучке толстую амбарную книгу в засаленном дерматиновом переплете. — Это Гроссбух, — сказала бабка, разливая чай из самовара. На столе стояла банка тушенки (для Банника), блюдо с молоком (для Домового) и краюха хлеба, густо посыпанная крупной солью (от гостей со стороны оврага). — Записывай всё. Кто приходил, чего просил, чем откупились. Если через сорок дней после смерти старой хозяйки Книга будет пуста или крива написана — Совет Корней признает тебя самозванкой и выпьет досуха. Поняла? Лиза кивнула, открывая первую страницу. Чернила в ручке «Паркер», купленной для презентации инвесторам, превратились в вязкую смолу еще на третий день. Пришлось перейти на химический карандаш.

Запись из Гроссбуха. День 4-й. *Объект:* Моховой (Восточная сторона, участок Митрофаньча). *Претензия:* Жалоба на кота Кузю. Кот метит угол сарая. Для Мохового кошачья моча — кислота, он начал гнить с корней. *Решение:* Провела воспитательную беседу с Кузей (применила пульверизатор). Отвела Мохового к выгребной яме за баней, разрешила питаться отходами жизнедеятельности до первого снега взамен на охрану фундамента от водяной крысы. *Примечание:* Моховой оставил под крыльцом связку сушеных мышей. Знак высшего расположения. Бабушка велела сварить из них суп («крепость дает»). Вылила в овраг.

Запись из Гроссбуха. День 7-й. *Объект:* Туманник (Западный тракт, старый колодец). *Претензия:* Требуется вернуть голос. Утверждает, что Елизавета Петровна забрала его при жизни, чтобы он не пугал путников песнями по ночам (люди уходили в лес и замерзали). *Решение:* Спустилась в колодец. Встретилась с ним на середине цепи. Существо выглядело как мокрая телогрейка с глазами. Голос у него действительно был красивый — бас-профундо. Договорились: я возвращаю ему право голоса два раза в месяц (полнолуние и новолуние) ровно на час. Взамен он обязуется подсвечивать воду в колодце зеленым светом, если там кто-то упадет ведро, чтобы мне не лезть вытаскивать. *Примечание:* Сегодня ночью выл. Красиво, но жутко.

Соседка тетя Валя утром пришла жаловаться на давление. Пришлось соврать, что волки одичали.

Глава 17. Подарок от покойника

На пятнадцатый день пребывания в должности Лиза решила разобрать чердак. Бабкин дом дышал историей, забитой в пыльные углы. Под слоем пожелтевших газет «Труд» и стопок журнала «Крестьянка» обнаружился сундук. Тот самый, резной, окованный медью, который стоял в спальне. Внутри лежала не одежда. Внутри хранился арсенал. Сверху — три рулона идеально выделанной бересты, испещренной мелкими значками. Лиза провела пальцем по узору. Мозг дизайнера мгновенно считывал логику: это были схемы электрических цепей леса. Карты того, как течет сок внутри Великой Лиственницы. Под берестой — жестяная коробка из-под леденцов монпансье. Внутри, переложённые ватой, лежали зубы. Человеческие, звериные и те, что вообще не принадлежали известным биологическим видам. Некоторые все еще кровоточили, несмотря на десятилетия заточения. А на самом дне сундука лежало то, что заставило Лизу сесть прямо на пыльный пол. Это был современный туристический рюкзак системы «Deuter Aircontact». Дорогой, почти новый, цвета хаки. Такие продавались в московских аутдор-магазинах. Из бокового кармашка торчал край ламинированной карты-километровки. Лиза вытряхнула содержимое на газеты. Спички охотничьи, непромокаемые. Нож-стропорез. Фляга. Три банки армейской тушенки ГОСТ 1985 года. И толстый блокнот в водонепроницаемой обложке. На форзаце было выведено знакомым угловатым почерком: «*Антон Сергеевич Воронов. Путевой журнал. Сентябрь.*»

Сердце пропустило удар, а затем заколотилось где-то в районе кадыка. Он жив. Или был жив совсем недавно. Антон вписывался в этот мир так же органично, как топор в колоду. Она открыла блокнот. Почерк был скупым, рубленным, похожим на чертеж.

02.09. Вышел к деревне-призраку. Время стоит. Дениска выглядит счастливым, что пугает меня больше всего. Лес предлагал работу. Отказался вежливо (сломал предложившему руку). Ушел вдоль Восточного корня. Вой проводил до границы, рычал вслед. Принял решение идти к хребту. Там граница тоньше, можно пробить выход обратно в город. Нужны медикаменты и спирт. Спирта осталось 0.3 литра.

10.09. Нога воспалилась. Ожог от Фаруха не заживает, ткани черные. Нашел зимовье охотника. Местный Леший требует плату — левый глаз. Предложил ему швейцарские механические часы. Сделка состоялась. Теперь вижу время правильно даже во сне. Глаз обмотал тряпкой, залив тройным одеколоном. Жжёт адски.

15.09. Выхода нет. Хребет закрыт туманом такой плотности, что сталь ржавеет на лету. Круг замкнулся. Я снова вышел к Нижним Ключам с севера. Похоже, деревня выпускает только тех, кто согласен платить аренду органами. Видел следы медведя. Следы уходят в землю. Кажется, я начинаю сходиться с ума от одиночества. Проверю завтра старую ишольню.

Лиза листала страницы, чувствуя, как леденеют пальцы. Последняя запись датировалась вчерашним числом. *28.10. Штольня ведет вниз. Очень глубоко. Воздух теплый. Слышу гул механизмов, хотя здесь тайга. Наткнулся на рельсы. Вагонетки старые, немецкие, клеймо "KRUPP". По ходу движения нашел скелет в форме НКВД. При нем планишет. Забрал карту коммуникаций. Если верить ей, под нами целый подземный комбинат. Думаю, именно оттуда идет энергия, питающая этого древесного бога. Попробую взорвать главный ствол динамитом, если найду склад взрывчатки. Если читаешь это, Лиза... прости, что стянул. Но ты сама выбрала остаться сверху. Держись. P.S. Баннику привет передавай, если увидишь. Хороший мужик.*

— Ревешь? Голос Елизаветы Петровны прозвучал над ухом. Бабка бесшумно поднялась по приставной лестнице и теперь стояла, уперев руки в бока. В руках она держала эмалированный таз с выкрошившейся краской. — Нет, — Лиза поспешно захлопнула блокнот, пряча его

за спину. — Занозу посадила. — Не ври старой, — бабка фыркнула. — Думаешь, я не знаю, чей это сидор? Оставил тут весной. Сказал: «Вернусь заберу». Вот и вернулся твой бегунок. Только нос свой героический сунул куда не просили. — Он хочет взорвать дерево, — тихо сказала Лиза. — Весь ваш... наш бор. — И правильно сделает, — спокойно пожала плечами Елизавета Петровна, протягивая руку за блокнотом. — Дай сюда. Нечего девичьими руками мужские глупости читать. — Что значит «правильно»?! — Лиза вскочила. Пыль взметнулась в луче света. — Это же место силы! Мой дом! — Твой дом — вот эта комната, — отрезала бабка, ткнув узловатым пальцем в половицу. — А Место Силы — это тюрьма. Лизавета первая поняла, когда сбежала. Мы тут не богини, девочка. Мы — батарейки. Дерево пьет нашу жизнь, чтобы стоять вечно. Оно держит души, оно крутит время. Ты думаешь, почему Денис остался? Потому что он мертв. Давно мертв. Просто батарейка еще теплая, вот игрушка и шевелится. Хочешь стать вечным приложением к корням?

Лиза молчала. Перед глазами стояло лицо Антона — обветренное, злое, живое. Он боролся снаружи, рискуя быть разорванным каждую секунду. А она здесь грела чай и вела бухгалтерию для плесени. — Где эта штольня? — спросила она внезапно севшим голосом. — Тебе туда нельзя, — нахмурилась бабка. — Первый год Хозяйка должна сидеть дома. Копить массу. Тебя любой сквозняк сейчас развееет. — Тогда покажи мне, где лежат запасы деда, — Лиза посмотрела прямо в глаза Елизавете Петровне. — Мне нужен тол. И детонаторы. И схема вентиляции. Раз уж мой предшественник решил устроить революцию снизу, негоже бросать начатое дело.

Бабка долго смотрела на нее, прищурившись. Затем медленно растянула губы в улыбке, обнажая стальные коронки. — Вся в прабабку, — довольно прошамкала она. — Та тоже сначала пироги печь пыталась, а потом сельсовет сожгла. Пойдем. Покажу тебе один секрет под фундаментом. Только лампу возьми, там темно. И банку тушенки захвати, отдадим прорабу, чтоб не шумел.

Лиза спустилась с чердака, прижимая к груди драгоценный блокнот Антона. Розовый закат за окном вдруг показался ей декорацией из папье-маше. Ей предстояло узнать, что скрывается за кулисами этой идеальной деревни.

Глава 18. Хроники Хранительницы: Подкоп

Люк в полу кладовой выглядел как обычная, плотно пригнанная половица. Ни ручки, ни кольца — Елизавета Петровна подделала край длинным кухонным ножом, и доска со скрипом отошла, открывая пахнущую плесенью и сырой глиной темноту. — Давай сюда банку, — командовала бабка. — И сама лезь. Мне старая спина не позволит так гнуться, а ты молодая, гибкая. Как раз по лазу пройдешь. — Может, фонарик? — Лиза заглянула в черную дыру. Оттуда тянуло холодом склепа и специфическим запахом ружейного масла. — Какой еще фонарик? — фыркнула Елизавета, протягивая «летучую мышь». — Масляный бери. Электричество под землей шалит, закоротишь что-нибудь ненароком, рванет раньше времени. А там взрывчатки на три таких деревни хватит.

Лиза обвязала голову платком, чтобы пыль не сыпалась в волосы, и полезла вниз. Лаз оказался узким кирпичным коробом, уходящим под углом вглубь фундамента. Приходилось двигаться гусиным шагом, задевая плечами влажные стены. «Если это ловушка, — думала она, стараясь дышать ровно, — то очень тесная». Короб закончился метров через пять вертикальной шахтой старой вентиляционной трубы. Вниз свисала ржавая металлическая лестница-стремянка. — Аккуратнее! — донесся сверху голос Елизаветы. — Третья перекладина от верха шатается, я ее проволокой замотала!

Спустившись, Лиза оказалась в бетонном бункере. Потолок здесь был низким — чуть выше ее головы. Стены покрывал белый налет селитры, свет лампы выхватывал из полумрака ряды деревянных стеллажей. Это был не просто тайник. Это был стратегический запас партизанского отряда. На полках лежали цинки с патронами калибра 7,62, аккуратно завернутые в

промасленную бумагу гранаты РГД-5, стопки советских противогазов и плотные тюки защитного цвета. — Дед твой лесником только для прикрытия числился, — пояснила бабка, тяжело спускаясь следом (для нее спустили ведро на веревке). — Он тут линию Маннергейма готовил на случай войны с Китаем или американцами. Говорил, Урал — ключ к Сибири. Если падет хребет, страну пополам разорвет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.